

ПРОФ. В. В. ИВАНОВСКІЙ.

ВОПРОСЫ
ГОСУДАРСТВОВЪДѢНІЯ, СОЦІОЛОГІИ
И
ПОЛИТИКИ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.

1899.

Печатано по опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета 5 марта 1899 года.

Деканъ Г. Дорчидонтовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

За послѣдніе пять шесть лѣтъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ печатались мои очерки по вопросамъ, относящимся, главнымъ образомъ, къ государствовѣдѣнію, политикѣ и отчасти соціологіи. Имѣя въ виду, что всѣ эти вопросы находятся между собою въ тѣсной связи, во всякомъ случаѣ захватываютъ собою явленія родственныя, я рѣшился издать мои очерки въ отдѣльной книгѣ, расположивши ихъ при томъ не въ хронологическомъ порядкѣ, т. е. не въ порядкѣ появленія ихъ въ печати, но въ систематическомъ, и раздѣливши ихъ на три вышеупомянутыя группы. Считаю нужнымъ указать на тѣ изданія, въ которыхъ отдѣльныя главы настоящей книги были напечатаны впервые. Глава первая—въ „Журн. Междунар. и Госуд. Права“; глава вторая въ журн. „Вопросы Философіи и Психологіи“; главы третья, шестая и седьмая—въ „Журналѣ Юридич. Общества“; глава четвертая въ „Журн. Министерства Юстиціи“; глава пятая въ „Юридической Лѣтописи“; глава восьмая—въ „Журналѣ Гражд. и Угол. Права“; главы девятая, одиннадцатая, двѣнадцатая и тринадцатая въ журналѣ „Русская Мысль“ и глава десятая въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета“.

Авторъ.

27 Марта 1899 г.

Глава первая.

Природа государства.

I.

Европейская государственная наука, зачатки которой слѣдуетъ искать еще въ трудахъ мыслителей и философовъ классическаго міра, пріобрѣтаетъ все большее и большее развитіе, какъ въ интенсивномъ, такъ и въ экстенсивномъ отношеніи. Проникая все болѣе и болѣе въ глубину явленій политической жизни, стремясь разрѣшить коренные вопросы политическаго бытія, она въ то-же время, и отчасти именно ради первой цѣли, развивается экстенсивно, захватывая въ сферу своихъ изслѣдованій все большее число объектовъ, какъ въ видѣ цѣльныхъ политическихъ организацій, такъ и въ видѣ отдѣльныхъ институтовъ и явленій государственной жизни, ускользавшихъ ранѣе отъ вниманія изслѣдователей. Такимъ образомъ, въ обладаніи государственной науки сконцентрировался, можно сказать, необъятный историко-сравнительный матеріалъ, на основаніи котораго изучены въ мельчайшихъ деталяхъ многія явленія политической структуры и ея жизни. Въ разработкѣ деталей, какъ въ отношеніи описательномъ, такъ и съ точки зрѣнія политики и права, между современною государственною наукой и наукой Платона и Аристотеля лежитъ неизмѣримая пропасть. Въ экстенсивномъ отношеніи государственная наука развилась съ тѣхъ поръ до колоссальныхъ размѣровъ; на всемъ земномъ шарѣ едва-ли найдется

хотя бы одно государство, которое не было бы еще занесено на страницы лѣтописей государственной науки, едва-ли даже отыщется хотя одинъ институтъ, учрежденіе, должность, или предметъ управленія, которыя не были бы всесторонне обслѣдованы наукой. Въ одномъ государственная наука не сдѣлала, повидимому, ни одного шага впередъ, это въ уясненіи самой природы государства, въ простомъ даже опредѣленіи того, что такое государство. По крайней мѣрѣ, въ этомъ коренномъ пунктѣ между государствами всѣхъ временъ и народовъ никогда не существовало, какъ не существуетъ и въ настоящее время, необходимаго единства, при чемъ разница въ воззрѣніяхъ доходитъ нерѣдко до крайней противоположности и безусловной несовмѣстимости этихъ воззрѣній.

Такое безотрадное положеніе государственной науки въ отношеніи ея перваго и основнаго вопроса должно, конечно, имѣть свои причины: они заключаются, съ одной стороны, въ чрезмѣрной сложности вопроса, съ другой, въ неодинаковыхъ пріемахъ и методахъ научнаго изслѣдованія. Если подъ природой вещи или явленія мы будемъ разумѣть ея сущность, то, само собою понятно, что эта сущность не можетъ быть познана никакою наукой; для познаванія сущности вещей, ихъ конечныхъ причинъ и цѣлей, человѣческій умъ, какъ извѣстно, не приспособленъ. Поэтому, подъ природой каждой вещи и cadaго явленія слѣдуетъ разумѣть природу познаваемую т. е. единство тѣхъ познаваемыхъ признаковъ вещи или явленія, совокупность и взаимоотношеніе которыхъ всегда и вездѣ ихъ характеризуетъ въ отличіе отъ вещей съ иными признаками и иными взаимоотношеніями послѣднихъ.

Однако, даже и въ этомъ смыслѣ природа государства не легко опредѣляется; отдѣлить существенные признаки государства отъ несущественныхъ, въ особенности же установить то взаимоотношеніе между существенными признаками, благодаря которому государство, какъ явленіе, пріобрѣтаетъ въ нашемъ сознаніи характеръ единства, это, дѣйствительно, въ виду сложности изучаемаго явленія, одна изъ трудныхъ проблемъ государственной науки. Если уже индивидуальная жизнь въ природѣ представляетъ безграничное поле для научныхъ изысканій, ставитъ такіа загадки, для научнаго рѣшенія которыхъ требуются цѣлыя столѣтія, то тѣмъ болѣе это

надо сказать о явленіяхъ жизни соціальной, въ частности политической, гдѣ человѣческія индивидуумы служатъ лишь элементами. Сложность такого научнаго объекта становится еще болѣе очевидною изъ того, что роль индивидуума въ государствѣ не исчерпывается вліяніями общей природы индивидуума, раскрываемой въ естествознаніи, но идетъ гораздо далѣе, выражаясь въ самостоятельномъ воздѣйствіи на общество и государство со стороны субъективныхъ свойствъ и силъ каждаго индивидуума.

Разногласіе въ воззрѣніяхъ ученыхъ на природу государства обуславливается, помимо сложности самого явленія, неодинаковыми приѣмами научнаго изслѣдованія, что опять-таки, въ свою очередь, объясняется, по крайней мѣрѣ отчасти, сложностью научнаго объекта. Такъ, въ виду этой сложности, ограничиваются опредѣленіемъ не природы государства вообще, а, на примѣръ, его юридической природы, или рассматриваютъ государство со стороны преслѣдуемыхъ имъ цѣлей; одни изучаютъ государство какъ міровое явленіе, подчиненное въ своемъ существованіи и развитіи общимъ міровымъ законамъ, другіе, напротивъ, смотрятъ на него лишь съ точки зрѣнія тѣхъ цѣлей, которымъ государство можетъ и должно удовлетворять, считая его результатомъ сознательной дѣятельности людей. Неодинаковость точекъ зрѣнія или исходныхъ пунктовъ порождаетъ неодинаковость методологическихъ приѣмовъ, а неодинаковость этихъ послѣднихъ приводитъ къ различнымъ и часто діаметрально противоположнымъ взглядамъ на природу государства.¹⁾ Замѣтимъ, однако, что во взглядахъ на природу государства, несмотря на все ихъ разнообразіе и отсутствіе единства, все же съ теченіемъ времени обнаруживается нѣкоторый прогрессъ, хотя бы въ видѣ, на примѣръ, окончательнаго устраненія старыхъ взглядовъ представителей теологическаго направленія, а равно представителей школы естественнаго права¹⁾. Строго индивидуалистическое воззрѣніе на природу государства, по которому послѣднее есть результатъ договора между индивидуумами, также почти уже никѣмъ серьезно не отстаивается,

¹⁾ Изрѣдка можно еще и теперь встрѣтить представителей естественнаго права, хотя нѣсколько въ измѣненномъ видѣ. См. *Аффольтеръ*. Основные черты общаго государственнаго права стр. 22 и слѣд.

хотя иногда и просвѣчиваетъ еще въ трудахъ французскихъ ученыхъ. въ общемъ, однако, слѣдуетъ признать, что теологическая, натуръ-философская и индивидуалистическая точки зрѣнія на природу государства не находятъ уже научныхъ представителей.

Классифицируя современныя политическія тесріи, ихъ можно свести къ тремъ главнѣйшимъ видамъ: 1) органическая теорія; 2) юридическая и 3) реалистическая. Прежде чѣмъ высказать взглядъ объ этихъ теоріяхъ, мы не можемъ не сдѣлать одного замѣчанія, касающагося того, что какъ ни космополитична, повидимому, наука, національный складъ ума все же обнаруживаетъ свое вліяніе; такъ, можно безошибочно сказать, что юридическая теорія нигдѣ не нашла для себя столь подготовленной почвы, какъ въ умахъ нѣмецкихъ государствовѣдовъ; напротивъ, теорія органическая всего болѣе привилась у французовъ; реалистическая теорія, какъ это ни странно, находитъ пока лишь единичныхъ представителей.

Органическая теорія, несмотря на очевидную ея несостоятельность и полную бездоказательность, имѣетъ все-же видныхъ представителей, каковы Блунчли, Гирке, Шефле, Прейсъ, Спенсеръ, Піоже, Фулье, Греефъ и другіе. Одни изъ адептовъ этого направленія ограничиваются аналогіями и уподобленіями государства живому организму, другіе идутъ гораздо дальше, признавая общество и государство ¹⁾ настоящими организмами, только болѣе сложными, нежели организмы физическіе; если черты органической структуры и жизни слишкомъ еще неясно въ нихъ обнаруживаются, то это потому, что соціальныя и политическія организмы находятся еще въ низшихъ стадіяхъ своего развитія и что въ будущемъ, правда, неопредѣленномъ, эти высшіе организмы разовьются и усовершенствуются, такъ что ихъ органичность будетъ вполне очевидною. Движущею естественною силой служить въ этомъ случаѣ органическая солидарность и чувство общности. „Общество, говоритъ Піоже, есть нѣчто большее, чѣмъ простой индивидуумъ; соціальная жизнь отлична отъ жизни фізіологической; это только новое приложеніе общаго

¹⁾ Батби признаетъ общество организмомъ, государство же организацией. См. его *Traité théorique et pratique de droit public*. 1885.

закона, по которому дифференціація и сложность свойств цѣлаго возрастають пропорціонально возрастанію числа и отношеній частей: эта сложность постепенно увеличивается съ переходомъ отъ физическаго къ химическому, отъ химическаго къ органическому и отъ органическаго къ соціальному“¹⁾. Такимъ образомъ, общественный организмъ есть наиболѣе сложный, который поэтому можно назвать высшимъ организмомъ — *superorganisme*. Организмъ есть только результатъ организаціи, т. е. взаимнаго воздѣйствія, приспособленія и солидарности элементовъ. Физическій организмъ не потому является организмомъ, что состоитъ изъ живыхъ анатомическихъ элементовъ, но потому, что между этими элементами существуетъ связь, взаимодействіе и солидарность, т. е. именно то, что можно назвать организаціей; благодаря подобнаго же рода организаціи элементовъ, т. е. индивидуумовъ, организмомъ является и общество, а слѣдовательно и государство, какъ высшая форма общественной жизни.

Отсюда мы видимъ, что Піоже, а съ нимъ и многіе другіе современные ученые того же направленія, не ограничиваются уподобленіемъ общества живому организму, но считаютъ его настоящимъ живымъ организмомъ, только что высшей формациі. Жизненное цѣлое всегда возникаетъ, благодаря опредѣленной связи элементовъ, его составляющихъ; въ неорганическомъ мірѣ химическая связь (*combinaison*), въ живомъ физическомъ существѣ органическая связь (*organisation*), въ соціальномъ цѣломъ — органическая солидарность (*socialisation*)²⁾.

Органическая теорія не только, какъ видимъ, не сходитъ со сцены, но пріобрѣтаетъ весьма виднымъ представителей, недовольствующихся поверхностными аналогіями, но возвышающихся до обобщенія всѣхъ міровыхъ явленій, до отысканія въ нихъ общей жизненной міровой идеи, до указанія общихъ законовъ, обнаруживающихъ свою силу во всемъ мірозданіи, и въ частности въ обществахъ и государствахъ. Если понимаютъ организмъ въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ его понимаютъ представители органической теоріи, если къ сужденію объ этомъ организмѣ примѣнить философскую точку зрѣнія о

¹⁾ I. Pioger, *La vie sociale, la morale et le progrès* 1894 p. 30 et suiv.

²⁾ Альфредъ Фулье доходитъ до признанія договорнаго организма.

всеобщности мірового закона жизни, то вышеизложенныя воззрѣнія на общество и государство пріобрѣтають, дѣйствительно, характеръ стройности и послѣдовательности. Дѣло, однако, въ томъ, что въ обладаніи науки вовсе еще не находится достаточнаго числа данныхъ, чтобы утверждать дѣйствительность послѣдовательнаго развитія связующихъ началъ въ мірѣ неорганическомъ, органическомъ и соціальномъ, утверждать послѣдовательный переходъ отъ соединенія къ организаціи, отъ организаціи къ соціализаціи. Здѣсь даже и естественныя науки, несмотря на присущіе имъ сравнительно точныя методы изслѣдованія, не идутъ далѣе гипотезъ. Связь атомовъ въ неорганическомъ цѣломъ, организація живыхъ клѣточекъ въ физическомъ организмѣ, все это находится, въ значительной степени, въ состояніи гипотетическомъ; самыя ученія объ атомѣ и живой клѣточкѣ, не заставляютъ ли желать еще многого? Если же мы пойдемъ еще далѣе и будемъ утверждать, вмѣстѣ съ Піоже и его единомышленниками, что и общество состоитъ изъ соціальныхъ атомовъ—индивидуумовъ, связуемыхъ началовъ соціализаціи, то гипотетичность такого утвержденія становится еще болѣе очевидной, нежели въ двухъ первыхъ случаяхъ. Въ отношеніи мелкихъ общественныхъ соединеній, характеризующихся единствомъ физиологическаго происхожденія ихъ членовъ, органическая теорія можетъ еще имѣть нѣкоторое подобіе примѣненія, такъ какъ начало соціализаціи имѣетъ здѣсь естественное, физиологическое происхожденіе, но въ отношеніи государствъ, состоящихъ нерѣдко изъ самыхъ разнообразныхъ племенъ, не только иногда не солидарныхъ, но и прямо враждебныхъ одно другому и связанныхъ лишь внѣшнею связью подчиненности одной власти, органическая теорія не имѣетъ ни малѣйшаго примѣненія. Органическая теорія подвергалась уже весьма обстоятельной критикѣ, по крайней мѣрѣ тѣ воззрѣнія, по которымъ общество уподобляется живому физическому организму; ¹⁾ поэтому намъ нѣтъ надобности опровергать ее еще

¹⁾ См. труды по государственной наукѣ: Зейделя, Герцфельдера, Линга и др.; изъ французскихъ ученыхъ укажемъ на Марселя Берне, см. его Programme d'un cours de Sociologie, въ Revue internationale de sociologie 1895. № 12; 1896, № 1. См. также X. S. Combothecra, L'Etat en tant qu'organisme, въ Revue du droit public, 1896, № 2.

разъ; вышепреденныя соображенія намъ кажутся достаточными для указанія на несостоятельность органической теоріи и въ смыслѣ признанія общества организмомъ, т. е. организацией, обусловливаемой началомъ социализаціи.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію юридической теоріи.

Юридическая теорія, по числу своихъ приверженцевъ, является въ настоящее время господствующею. Эта теорія, какъ замѣчено уже выше, овладѣла, за очень немногими исключеніями, умами нѣмецкихъ ученыхъ. Ученые другихъ странъ далеко не склонны примыкать къ ней; тѣмъ не менѣе, повторяемъ, теорія эта имѣетъ за себя большинство нѣмецкихъ государствовѣдовъ. Не говоря о старинныхъ писателяхъ, Гефгеръ, Герберъ, .І. Штейнъ и другихъ, юридической теоріи о государствѣ держатся современные нѣмецкіе государствовѣды: Георгъ Мейеръ. Лябандъ, Генель, Шульце, Ульбрихъ, Еллинекъ и др.

Мы называемъ эту теорію юридическою потому, что въ ней государство разсматривается исключительно съ юридической точки зрѣнія, изучается не вообще природа государства, но его юридическая природа. Эта теорія называется также личною на томъ основаніи, что по воззрѣніямъ вышеуказанныхъ ученыхъ государство есть юридическая личность, т. е. такая коллективная личность, которая можетъ быть субъектомъ правъ, имѣетъ волю и можетъ при помощи опредѣленныхъ органовъ обнаруживать эту волю такъ же, какъ обнаруживаютъ ее и всѣ другія личности. Государственной волѣ подчиняются всѣ индивидуумы, входящіе въ составъ государства. Вотъ то общее, что признаютъ всѣ представители юридической теоріи. Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя характерныя положенія, высказываемыя тѣми или другими отдѣльными представителями этой школы. Такъ, Георгъ Мейеръ, между прочимъ, заявляетъ: государство есть личность; право господства принадлежитъ именно самому государству, но не носителю верховной власти (Herrscher). Однако, въ виду того, что государство есть абстракція, необходимо, чтобы принадлежащія ему права осуществляли физическія лица. Носитель государственной власти, это то лицо физическое или коллективное, которому, по его собственному праву, принадлежитъ государственная власть.¹⁾ Лябандъ заявляетъ

¹⁾ G. Meyer, Lehrbuch des deutschen Staatsrechtes 1895. S. 2—15.

въ томъ же духѣ, что государство есть идеальная личность; это персонификація народнаго общенія, это юридическая организація народа; субъектомъ государственной власти является само государство; оно имѣетъ собственное право господства и собственную волю для того, чтобы господствовать ¹⁾. По выраженію О. Мейера государство есть нравственная личность, національный индивидуумъ ²⁾. По мнѣнію Еллинека, „государство есть господствующая организація осѣдлаго народа, имѣющая могущественную волю. Существеннымъ признакомъ государства является господство надъ людьми, связанными благодаря организаціи въ народное общеніе. Господствовать значитъ отдавать безусловныя повелѣнія, находящія, свое основаніе и границы только въ свободномъ рѣшеніи повелѣвающего. Государство есть личность, потому что имѣетъ единую волю; эта личность не какой нибудь вымыселъ; она существуетъ такъ же, какъ и каждое лицо; но лицо—это не физическій индивидуумъ; это абстракція; лицо обозначаетъ способность къ единому, постоянному и разумному хотѣнію; такое лицо можетъ существовать не только какъ физическая личность, но и какъ искусственно созданная людьми организація; такая организація или коллективное единство становится лицомъ, благодаря наличности самостоятельныхъ волевыхъ органовъ. Государственная воля есть государственная власть ³⁾. Таковы, въ самомъ сжатомъ видѣ, основныя воззрѣнія представителей юридической теоріи на природу государства.

Достаточно самого поверхностнаго ознакомленія съ этой теоріей, чтобы видѣть, въ чемъ заключается ея полная несостоятельность. Приверженцы юридической теоріи опредѣляютъ природу не дѣйствительно существующаго государства, но ими самими придуманнаго въ видахъ удовлетворенія чисто практическимъ соображеніямъ. Имъ непремѣнно понадобилось, чтобы государство было субъектомъ правъ и чтобы само же оно могло и осуществлять эти права: для этого назвали его личностью и приписали ему волю. Для всякаго непреду-

¹⁾ P. Laband. Das Staatsrecht des deutschen Reiches, 1895. I. 50—85.

²⁾ O. Meyer, Einleitung in das deutsche Staatsrecht. 1861. S. 1—9.

³⁾ G. Jellinek. Gesetz und Verordnung. 1887. S. 188—205.

бѣжденнаго ума должно быть совершенно очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ самою безнадежною фикціей, однако очень удобною для разнаго рода юридическихъ выводовъ и построений. Если государство, какъ общественный союзъ, есть личность и имѣетъ волю, и если эта личность не то же, что физическая личность, то, очевидно, что и воля этой личности не то, что воля физическаго индивидуума; однако же волю, какъ свойство „хотѣть“, имѣетъ только физическая личность; значитъ, воля государства, какъ личности идеальной, юридической должна характеризоваться какими либо иными чертами, а главное, такой личности не можетъ быть присуще свойство хотѣнія; представители юридической теоріи имѣютъ въ виду, однако, настоящую волю, которою надѣлены индивидуумы, т. е. способность хотѣть. Еллинекъ прямо заявляетъ, что государственная воля это воля, хотя и представляемая физическими лицами, но въ то-же время отъ нихъ отдѣльная и сплоченная въ самостоятельное единство ¹⁾. Подобнаго рода заявленія имѣютъ чисто метафизическій характеръ; волю физическихъ лицъ, какъ способность хотѣть, нельзя отъ нихъ отдѣлить и сплотить во что-то еще особое и самостоятельное, т. е. независимое отъ самихъ физическихъ лицъ. Еллинекъ, какъ видимъ, думаетъ иначе; если физическому лицу дано свойство хотѣть самою природой, то государству это свойство могутъ дать люди искусственно; само по себѣ государство, какъ абстракція, какъ коллективная личность, физически хотѣть не можетъ, но это не бѣда, за него могутъ хотѣть люди, потому что люди могутъ хотѣть не только отъ себя, но и за другихъ, если эти послѣдніе лишены способности хотѣть: такое хотѣніе или обнаруженіе воли за многихъ связываетъ этихъ многихъ въ волеспособное единство.

Такимъ образомъ происходитъ по истинѣ чудесная метаморфоза; неволеспособное становится волеспособнымъ; чего не дала природа, то даютъ юристы. Если бы существовала только одна точка зрѣнія юридическая, то подобнаго рода метаморфозы не возбуждали бы, пожалуй, ни въ комъ удивленія; есть; однако, и другія точки зрѣнія, какъ напр., логическая и историческая. которыя при сужденіи о природѣ государства также не должны быть игнорируемы; предста-

¹⁾ Gesetz und Verordnung. S. 194.

вители юридической школы говорятъ, что они изучаютъ государство только въ юридическомъ отношеніи; законы логики должны быть, однако, и для юристовъ тѣ-же, что и для другихъ; поэтому Еллинекъ, а съ нимъ и всѣ его единомышленники, нарушаютъ эти законы, если заявляютъ, что „тамъ, гдѣ нѣтъ на лицо волееспособнаго индивидуума, воля другого, можетъ начать и продолжать за него хотѣть“¹⁾. Очевидно, съ этой точки зрѣнія, и вопреки законамъ природы и нашего мышленія, хотѣть можетъ все, что угодно: луна не волееспособна, но ничего не стоитъ сдѣлать ее волееспособной; стоитъ только начать и продолжать хотѣть вмѣсто нея. Однако же, въ силу законовъ логики, нельзя хотѣть за того, кто самъ не можетъ хотѣть. Чтобы за кого-либо хотѣть, надо, чтобы тотъ, за кого хотятъ, самъ выразилъ волю о томъ, чтобы за него хотѣли; но такъ какъ неволееспособный предметъ не можетъ выразить своей воли, то, очевидно, и хотѣть за него нельзя. Всякій, кто заявляетъ, что онъ обнаруживаетъ волю за другого неволееспособнаго, въ дѣйствительности обнаруживаетъ волю только свою. Таковы, по крайней мѣрѣ, законы элементарной логики. Отсюда слѣдуетъ, что заявленіе, будто бы неволееспособное государство дѣлается волееспособнымъ на томъ основаніи, что вмѣсто него обнаруживаютъ волю люди, противорѣчитъ законамъ нашего мышленія и потому неправильно.

Представители юридической школы, чтобы отстоять свою теорію, выдвигаютъ также ученіе о цѣляхъ, въ виду достиженія которыхъ въ практической жизни необходимо совокупностямъ лицъ или предметовъ приписывать свойства единства и волееспособности.

Если совокупность лицъ желаетъ преслѣдовать одну какую-либо цѣль не какъ собраніе индивидуумовъ, но какъ единое цѣлое, то практически это осуществимо въ томъ только случаѣ, если вмѣсто всѣхъ отдѣльныхъ лицъ обнаруживается одна воля физическаго лица или согласная воля нѣсколькихъ физическихъ лицъ; это и будетъ волевой органъ всей совокупности лицъ. Конечно, невозможно отрицать, что общія цѣли объединяютъ людей въ компактные группы, въ единства, какъ принято выражаться на юридическомъ языкѣ;

¹⁾ Gesetz und Verordnung. S. 193.

такія единства, благодаря особой организаціи, получают названіе юридическихъ лицъ; они бываютъ публичныя и частныя; вообще же „подъ именемъ юридического лица понимается все то, что, не будучи физическимъ лицомъ, признается со стороны закона способнымъ, въ виду опредѣленной цѣли, быть субъектомъ права“ ¹⁾. Вотъ опредѣленіе, противъ котораго трудно сдѣлать какое либо возраженіе, въ виду его соотвѣтствія съ дѣйствительностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ подъ это вполне правильное понятіе юридического лица невозможно подвести понятіе государства.

Замѣтимъ прежде всего, что юридическое лицо, даже безъ всякаго присвоенія ему волеиспособности и надѣляемое лишь свойствомъ правоспособности, все же признается, и совершенно справедливо, фикціей, придуманной ради достиженія практическихъ цѣлей. Юридическое лицо всегда дѣйствуетъ, какъ лицо фиктивное, черезъ представителей; воля послѣднихъ должна соотвѣтствовать данному имъ полномочію или сообразоваться съ требованіями закона. Представители или уполномоченные восполняютъ отсутствіе дѣеспособности юридическихъ лицъ и, такимъ образомъ, послѣднимъ посредствомъ фикціи присваивается право и дѣеспособность, которыхъ они въ дѣйствительности не имѣютъ. Укажемъ еще на то, что для возникновенія юридического лица необходимы: 1) наличность того субстрата, который долженъ составить его содержаніе, группы лицъ или имущества и 2) соотвѣтствіе законнымъ условіямъ, потому что иначе не мыслимо существованіе искусственнаго лица. Внутренняя сторона отношеній юридического лица опредѣляется или закономъ, если это публичное соединеніе лицъ или учрежденіе, или договоромъ, выраженнымъ въ уставѣ, если это частное соединеніе лицъ ²⁾.

Если государство есть юридическое лицо въ только что приведенномъ смыслѣ, то, спрашивается, какъ оно, т. е. это юридическое лицо, возникло. Одно изъ условій возникновенія такого лица здѣсь есть; это все государственное населеніе, какъ личный субстратъ; но затѣмъ, является ли государство частнымъ юридическимъ лицомъ, или оно должно быть пуб-

¹⁾ Г. Ф. Шершеневичъ, учебникъ русскаго гражданского права 1896 стр. 102.

²⁾ Ibid. стр. 105.

личнымъ? Чтобы быть частнымъ, оно должно основываться на договорѣ; чтобы быть публичнымъ, оно должно основываться на законѣ; но теорія договорнаго возникновенія государства не находитъ уже защитниковъ; если бы, въ самомъ дѣлѣ, можно было констатировать договорный способъ возникновенія государства, то подобное государство можно было бы признать юридическимъ лицомъ *sui generis*; известная совокупность индивидуумовъ, объединенная одной цѣлью, напимѣръ цѣлью охраненія общей безопасности и достиженія возможно большаго благосостоянія, вступаетъ въ соглашеніе, образуетъ союзъ и уполномочиваетъ къ достиженію вышеуказанныхъ цѣлей одно физическое лицо или нѣсколько такихъ лицъ; такому союзу можно было бы присвоить названіе юридическаго лица, хотя, повторяемъ, это было бы лицо *sui generis*—публичное договорное юридическое лицо. Такъ какъ, однако, договоръ не лежитъ въ основаніи возникновенія государства, то и разсмотрѣнное предположеніе теряетъ для насъ всякое значеніе. Но публичное юридическое лицо можетъ возникнуть какъ мы видѣли, въ силу закона; не возникаетъ ли такимъ именно путемъ государственное юридическое лицо? Предположеніе совершенно невѣроятное, ибо, чтобы сдѣлаться такимъ лицомъ по закону, необходимо было, чтобы существовалъ соответствующій законъ; но послѣдній предполагаетъ уже существованіе государства; стало быть, государство никоимъ образомъ не могло возникнуть въ качествѣ юридическаго лица по закону. Кто же сдѣлалъ государство юридическимъ лицомъ, волееспособнымъ субъектомъ права? Если сказать, что государство само себя сдѣлало юридическимъ лицомъ, то это значитъ опять-таки противорѣчить логикѣ; по утвержденію представителей юридической школы государство и есть именно юридическое лицо; поэтому, чтобы сдѣлать себя юридическимъ лицомъ, оно сначала должно было бы утратить свойство юридическаго лица, а это опять таки не согласно съ утвержденіями юридической школы, въ силу которыхъ государство само по себѣ и должно быть понимаемо именно какъ юридическое лицо.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что государство не можетъ быть юридическимъ лицомъ, ибо юридическое лицо есть лицо вымышленное, условное, и, слѣдовательно, для того чтобы государство могло быть признано юридическимъ лицомъ, надо,